

В **Бразилии** 26 октября демонстрации против высоких тарифов на транспорт переросли в массовые беспорядки.

В **Аргентине** 27 октября прошли парламентские выборы, на которых проправительственная партия *Фронт за победу* получила большинство в обеих палатах. Но оппозиция одержала победу в ключевых провинциях и городах и получила достаточно мест в парламенте страны, чтобы не дать действующему президенту Кристине **Киршнер** выдвинуться в 2015 г. на третий президентский срок.

- **Стратегическая стабильность и ядерная безопасность.** После более чем двухлетнего перерыва 23 октября в штаб-квартире Североатлантического альянса состоялось заседание Совета Россия–НАТО на уровне министров обороны. Сергей Шойгу впервые вел на нем переговоры в качестве главы военного ведомства Российской Федерации. Стороны обсудили вопросы Афганистана, Сирии, борьбы с терроризмом и противоракетной обороны (ПРО). Удалось согласовать совместные инициативы в области технического сотрудничества по Афганистану и утилизации устаревших российских боеприпасов. По вопросу ПРО подвижек не было.

29 октября на юге Румынии в Девеселу дан официальный старт развёртыванию системы *ЕвроПРО — Aegis Ashore System*, где к 2015 г. планируется возвести несколько радиолокационных станций и пусковых установок противоракет *SM-3*.

2 ноября НАТО начал самые крупные за последние 10 лет военные учения близ границ России на территории Польши и стран Балтии.

- **Природные катастрофы и техногенные аварии.** В Индии 13 октября у храма в штате Мадхья-Прадеш произошла давка, погибли более 100 человек.

На Филиппинах 15 октября произошло сильное землетрясение, погибли более 150 человек. Это землетрясение стало самым сильным в стране за последние 23 года.

28 октября на Европу и север-запад России обрушился шторм *Святой Иуда*, который оставил без электричества десятки тысяч человек и нарушил авиационное и железнодорожное сообщение.

Наводнение в Румынии, Таиланде и Мексике, землетрясение в Пакистане, лихорадка Западного Нила в Сербии, крушение поезда в Аргентине в числе негативных событий периода.

- Осенью резко возросла **террористическая угроза**. Крупные теракты были совершены в Афганистане, Ираке, Таиланде, Мьянме, Мали, Сирии, Ливане, Пакистане, Йемене, Египте, Сомали.

21 октября в России в Волгограде произошел теракт, погибли 6 человек.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: МОЛЬЕР БЕЗ СМЕХА

Летом и осенью 2013 г. произошло немало событий, привлечших пристальное внимание политиков, экспертов и военных. Нападение на торговый центр в Найроби показало, что международное сообщество не в состоянии остановить исламский терроризм. Приговор Бо Силаю, еще недавно одному из самых могущественных лидеров Китая, вновь высветил проблемы, приводящие к росту неомоистских настроений в китайском обществе и Компартии. Соглашение об ассоциации Украи-

ны с Европейским союзом, которое, скорее всего, будет подписано в ноябре 2013 г., вызвало в Москве крайнее раздражение. Оно в очередной раз продемонстрировало, мягко говоря, утопичность самой идеи евразийской интеграции под эгидой России.

Однако самым важным событием последних месяцев стала российско-американская договоренность об уничтожении сирийского химического оружия (ХО), известная как пакт Керри–Лаврова. Отказ президента Обамы от объявленного им решения об операции против режима Башара Асада поставил под вопрос глобальную стратегическую роль США. Это не первый, но наиболее осязаемый симптом разрушения международного порядка, сложившегося чуть более 20 лет назад в результате краха СССР и распада биполярной системы мира. Его главной несущей опорой являлась убежденность и друзей, и противников США в том, что Америка готова применить военную силу для защиты своих интересов, обеспечения безопасности союзников и поддержания международной экономической и политической стабильности.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛА В СИРИИ

Судя по всему, в начале сентября 2013 г. Москва и Дамаск пришли к выводу, что избежать американского удара по Сирии можно, лишь согласившись (не исключено, только на словах) с уничтожением сирийского ХО.

Кремль, похоже, убедил Белый дом, что достижение этой цели без применения военной силы обеспечит прогресс на переговорах с Тегераном относительно иранской ядерной программы¹. В свою очередь, иранский президент Хасан Роухани заговорил о возможности быстрого решения ядерной проблемы, правда, без конкретных предложений.

12 сентября 2013 г. сирийское правительство заявило о намерении присоединиться к Конвенции о запрещении ХО, а через два дня направило в ОЗХО соответствующий документ. Параллельно, 12–14 сентября 2013 г., в Женеве прошли российско-американские переговоры о соглашении, позволяющем администрации Обамы отказаться от военной операции против Дамаска в обмен на ликвидацию сирийского химического арсенала. Была согласована российско-американская Рамочная договоренность об уничтожении сирийского ХО от 14 сентября 2013 г.² и 19 сентября 2013 г. Сирия предоставила ОЗХО первые сведения о своем ХО.

27 сентября 2013 г. Исполнительный совет ОЗХО принял решение, в котором перечислялись данные, которые Дамаск должен представить в дополнение к сообщенным ранее, а также устанавливал весьма напряженный график ликвидации сирийского ХО, во многом повторявший положения российско-американской рамочной договоренности. В частности:

- не позднее 1 ноября 2013 г. Сирия должна уничтожить объекты по производству ХО, а также оборудование, предназначенное для смешивания/снаряжения ХО (filling/mixing equipment);
- не позднее 15 ноября 2013 г. Исполнительный совет ОЗХО должен утвердить промежуточные этапы уничтожения сирийского ХО, которое должно быть закончено в первой половине 2014 г.³.

Наконец 27 октября 2013 г. Совет безопасности ООН принял резолюцию S/RES/2118 (2013) относительно сирийского ХО и «урегулирования текущего кризиса» в этой стране. Это типичный образец характерной для ООН бессодержательной риторики. В ней обойден ключевой вопрос об автоматическом применении санкций в случае нарушения Дамаском обязательств по уничтожению ХО или его нового применения.

Там говорится только: «В случае несоблюдения настоящей резолюции, включая несанкционированную передачу химического оружия или любое применение химического оружия кем бы то ни было в Сирийской Арабской Республике, вводятся меры, согласно главе VII Устава Организации Объединенных Наций»⁴.

Другими словами, если режим Башара Асада откажется от обещания уничтожить ХО или еще раз его применит, вопрос о санкциях, в том числе военных, должен рассматриваться Советом Безопасности, поскольку глава VII Устава ООН предполагает, что все решения такого рода принимаются именно этим органом. Учитывая позицию России, можно с уверенностью предположить, что Дамаск в этом случае отделается легким испугом.

В большинстве своем эксперты скептически оценили возможность выполнения этих договоренностей. Ликвидировать сирийское ХО можно либо в самой Сирии, либо в другой стране. Последнее маловероятно, но даже если какое-нибудь государство согласится принять это оружие на своей территории, возникнут сложные, требующие длительных сроков согласования юридические, экономические и логистические проблемы. А в стране, охваченной ожесточенной гражданской войной, только для обеспечения безопасности складов ХО, его транспортировки и установок по утилизации потребовались бы тысячи иностранных военнослужащих.

Безопасная перевозка химических боеприпасов и боевых отравляющих веществ (БОВ) к местам утилизации — это более чем рискованное мероприятие. Три из четырех предприятий по производству ХО находятся в зонах, где ведутся боевые действия. Возник также вопрос о темпах уничтожения химических боеприпасов. Упомянулось, что и в США, и в России уничтожение ХО растянулось на многие годы.

Но это лишь часть проблемы. Проверка данных, полученных от режима Башара Асада, предполагает изучение всей документации о производстве БОВ и их прекурсоров, получении соответствующих материалов и оборудования из других стран и сопоставление этих данных с техническими характеристиками установок, на которых изготавливались БОВ.

Далее, необходимы инспекции не только объявленных объектов по хранению и производству ХО, но и любых мест, где оно хранилось или могло храниться, где могли находиться установки по снаряжению боеприпасов и другие объекты, связанные с этим оружием.

Между тем вопрос о том, насколько полную информацию предоставил Дамаск, возник сразу же после ее получения. Так, по утверждениям сирийских властей, в стране имеется 19 складов ХО, из них 7 находятся в зонах боевых действий. Однако по сведениям американских и израильских экспертов их число достигает 45–50⁵. Но даже если сирийские власти и оппозиция будут честно сотрудничать с международными инспекторами, потребуются длительное время и крупные ресурсы, для того чтобы удостовериться, что все сирийское ХО действительно уничтожено.

Например, в Ираке в 2003–2004 гг., уже после разгрома режима Саддама Хусейна, потребовалось 1500 человек высококвалифицированного персонала, которым понадобилось 15 месяцев, чтобы убедиться в ликвидации иракского арсенала оружия массового уничтожения и объектов по его разработке и производству⁶.

С технической точки зрения, темпы ликвидации ХО зависят от величины его запасов и мощностей установок по уничтожению. Сведения о количестве и дислокации сирийского химического арсенала, сообщенные Дамаском в ОЗХО, остаются секретными. Однако появившаяся в СМИ информация американской, французской и израильской разведок, выглядит правдоподобно. Предполагается, что общее количество сирийских БОВ составляет около 1000 тонн. В частности, по французским данным, Сирия имеет более 1000 тонн БОВ, в том числе:

- несколько сотен тонн сернистого иприта (горчичного газа);
- несколько сотен тонн зарина, составляющего большую часть сирийского арсенала;
- несколько десятков тонн нервно-паралитического газа VX⁷.

Появились неподтвержденные сообщения, что 300 тонн иприта находится в боеприпасах, а 700 тонн нервно-паралитических веществ — то ли в канистрах, то ли в виде прекурсоров, которые смешиваются в процессе оснащения боеприпасов⁸. Если эти данные соответствуют действительности, то сирийский химический арсенал может быть уничтожен сравнительно быстро. Так, современная американская мобильная установка *FDHS* (*Field deployable hydrolysis system*) может утилизировать в день от 10 до 25 тонн БОВ, а для ее развертывания на местности требуется 10 дней⁹. Российская высокотемпературная установка способна уничтожить до 500 тонн БОВ в год¹⁰.

Однако если большая часть БОВ находится в боеприпасах, процесс уничтожения ХО осложняется и может затянуться надолго, поскольку требуется значительное время для извлечения отравляющих веществ из ракетных боеголовок, снарядов и авиабомб. При этом в любом случае необходимо обеспечить защиту персоналу, занятому их уничтожением, местному населению и окружающей среде.

Наибольшие сложности вызывает, однако, нерешенность организационных и финансовых проблем. По существующему порядку, ответственность за уничтожение химического арсенала несет страна, которой это оружие принадлежит. Задача ОЗХО — проверить правильность сообщенных данных и удостовериться, что объявленные запасы ХО и связанное с ними оборудование уничтожены согласно утвержденным правилам. Дамаск, естественно, не имеет ни желания, ни ресурсов для ликвидации своих химических вооружений, тем более в очень короткие сроки. Последнее возможно только на многосторонней международной основе, что требует решения многочисленных технических, юридических и политических проблем.

При этом невозможно избавиться от впечатления, что целью всех сентябрьских решений относительно сирийского ХО было не столько его уничтожение, сколько предотвращение американского военного удара по Дамаску. Действительно, рамочная договоренность, решение Исполнительного совета ОЗХО и резолюция № 2118 СБ ООН представляют собой сделанные в спешке, содержательно неряшливые документы, в которых не говорится, как будет финансироваться процесс уничтожения, какие и в каком количестве и статусе иностранные специалисты будут обслуживать установки по уничтожению БОВ, откуда возьмутся эти установки, какие военные контингенты будут охранять их и склады ХО, кто будет нести ответственность за весь процесс ликвидации и т. д.

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Среди стран Ближнего Востока, прошедших через Арабскую весну, нет ни одной, которая прошла бы через демократический эксперимент и сформировала консолидированную систему власти. Тем не менее произошли события, улучшившие состояние безопасности. Некоторое потепление американо-иранских отношений после прихода к власти нового президента Ирана Хасана Роухани стало одним из таких позитивных событий. Также Совбез ООН в ходе сирийского кризиса продемонстрировал, что конструктивное сотрудничество между его основными членами все еще возможно.

Российский министр иностранных дел С. В. Лавров, по сути дела, отмахнулся от этих проблем: «Это предстоит решить профессионалам, они должны увидеть все своими глазами и определить, какие отравляющие вещества могут быть уничтожены на месте и что для этого потребуется»¹¹. Но похоже, что министру и его подчиненным все же придется заниматься этими скучными вопросами. Профессионалы, разумеется, смогут определить объем работ и оценить затраты, но обсудить все это с зарубежными партнерами — забота МИДа.

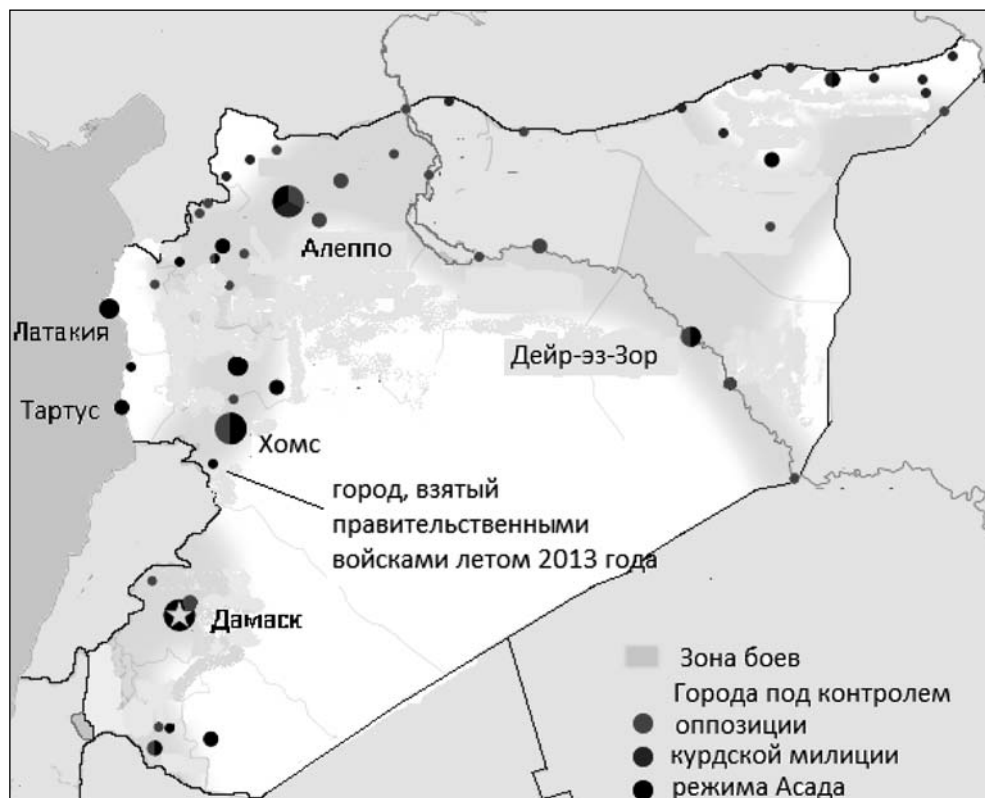
ТОЧКА НЕВОЗВРАТА НА ПУТИ К *FAILED STATE*

Главный, но тактический выигрыш от пакта Керри–Лаврова достался Башару Асаду: он избежал военного поражения. Фактически снят вопрос о его ответственности за использование ХО, вызвавшее массовую гибель гражданских лиц. В центре внимания мирового сообщества оказалось не прекращение гражданской войны, а химическое разоружение Сирии.

Это не меняет ни соотношения сил в Сирии, ни конечного результата гражданской войны. Весьма приблизительно считается, что оппозиция контролирует примерно 60–70% территории, тогда как Башар Асад — 60–70% населения страны. Отдельные успехи той или другой стороны, не меняют сложившейся ситуации. Так, взятие летом 2013 г. правительственными войсками городка Эль-Кусайр, расположенного на стратегическом шоссе Алеппо–Хомс–Дамаск, осложнило коммуникации оппозиции между центральной и южной частями страны. Силы оппозиции были вытеснены из центральных районов третьего по величине города Сирии — Хомса, превращенного в руины в результате длительных боев.

Отряды оппозиции, между тем, блокировали правительственные войска, в том числе находящиеся на двух расположенных рядом с этим городом крупных военных базах, около города Идлиб. Однако ни то, ни другое не привело к существенным изменениям обстановки и тем более к выходу из военно-политического тупика.

Военно-политическая обстановка в Сирии, август 2013 г.¹²

Политически Башар Асад продолжает опираться на алавитское население, а также частично на христиан, шиитов, друзов и исмаилитов, составляющих в совокупности около 35–40% населения. Основными факторами, сплачивающими их вокруг

сирийского президента, являются страх перед приходом к власти радикального исламистского крыла и то насилие, которому со стороны радикальных группировок исламистов подвергается не суннитское население.

Вооруженные силы Башара Асада включают около 70 тыс. человек, примерно треть довоенной сирийской армии, насчитывавшей в 2010 г. назад 220 тыс. солдат и офицеров. Ядром войск являются четыре элитные дивизии: 14-я воздушно-десантная, 15-я специального назначения, 1-я и 3-я танковые. Их офицерский корпус состоит преимущественно из алавитов. Карательные функции выполняет 100-тысячная алавитская милиция *Шабиха*. Ее же используют для охраны захваченных у противника территорий и борьбы с малочисленными вооруженными группами оппозиции. В ряде операций, в том числе при захвате Эль-Кусайра, использовались отряды *Хезболлы*, насчитывающие в общей сложности 3–4 тыс. боевиков¹³.

Вооруженные силы режима находятся под единым командованием, что позволяет сосредотачивать их на наиболее важных участках. Однако эта способность ограничена необходимостью держать под контролем значительную территорию, что неизбежно ведет к распылению ресурсов. Кроме того, сирийская армия, слабо приспособленная к войне против партизан в городских условиях, широко использует массированные артиллерийские обстрелы, авиационные бомбардировки и танковые атаки. Это приводит к большим потерям среди мирного населения, что еще более ухудшает политические позиции Дамаска среди суннитского населения.

Оценить военный потенциал оппозиции трудно из-за отсутствия доступной объективной информации. Американские эксперты полагают, что в общей сложности различные оппозиционные группировки насчитывают 100–150 тыс. боевиков, из них только 30–40 тыс. могут действовать за пределами своих городов и поселений¹⁴.

В итоге оппозиции трудно осуществлять крупные наступательные операции и преобразовывать тактические успехи в стратегическое преимущество¹⁵. Самыми слабыми местами оппозиции являются отсутствие единого командования, раздробленность и противоречия, включая вооруженные столкновения между различными группировками.

Наиболее боеспособными среди вооруженной оппозиции являются радикальные исламистские группировки, общая численность которых оценивается в 20–30 тыс. человек. Однако между ними нет единства не только в результате соперничества за влияние и внешнюю помощь, но и в силу идеологических различий. Так, группы, аффилированные с *Аль-Каидой*, прежде всего *Джабхат аль-Нусра*, выступают за всемирный джихад. Относительно умеренная часть исламистов, в частности считающаяся самой мощной в военном отношении *Харакат Ахрар аш-Шам Ислами (Исламское движение свободного Леванта)*, добивается создания в Сирии государства, основанного на шариате, но не разделяет джихадистские настроения.

Войска Башара Асада превосходят силы оппозиции по количеству и техническому оснащению. Гипотетически они смогут блокировать и уничтожить относительно крупные формирования оппозиции, сконцентрированные вокруг больших городов, за которые идут бои, но и в этом случае Дамаск вряд ли добьется победы. Для этого необходимо ликвидировать несколько тысяч вооруженных группировок, действующих на местном уровне и опирающихся на поддержку населения. Это требует намного более крупных ресурсов, чем те, которыми располагает сирийский режим. Считается, что для эффективного контроля территории правительственные войска должны превосходить повстанцев в соотношении примерно 10:1.

Кроме того, опыт партизанских войн второй половины XX в. показывает, что победы правительственных войск достигались в двух случаях. *Первый*, когда партизаны не получили поддержки населения (коммунистические повстанцы в Малайе и на Филиппинах, отряды Че Гевары в Боливии). *Второй*, когда местное население,

сочувствовавшее партизанам, было подвергнуто массовым репрессиям и выселено за пределы родных мест (Западная Украина и Прибалтика после Второй мировой войны). Таким образом, военное превосходство является необходимым, но далеко не достаточным условием победы в войне против партизан.

Тупиковая ситуация в Сирии обусловлена несколькими политическими факторами. *Во-первых*, Дамаск, возможно, согласится включить в бюрократическую элиту отдельные фигуры умеренной оппозиции при условии прекращения гражданской войны и сохранения в руках нынешней правящей верхушки ключевых постов, включая пост президента. Однако для умеренной и радикальной оппозиции непременным условием политического решения является отстранение от власти Башара Асада и его окружения.

Во-вторых, нет механизма, позволяющего осуществить прекращение огня и создать более или менее работоспособную систему управления в масштабах страны в целом. Даже если какая-то часть оппозиции согласится участвовать в переходных структурах, это не означает, что многочисленные действующие самостоятельно группировки прекратят огонь.

В-третьих, главное, что взаимное ожесточение, вызванное массовыми репрессиями против гражданского населения, привело к тому, что быстрое примирение суннитов, алавитов, христиан и приверженцев других конфессий стало невозможно. Сирийская война прошла *точку невозврата*.

 Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Нейтралитет Израиля в сирийской гражданской войне и инициатива В. В. Путина по постановке сирийского химического оружия под международный контроль в числе немногих позитивных событий периода. Но не следует ожидать, что произойдет нечто существенное. Сирийские боевики не могут отступить, им необходимо свергнуть Башара Асада или погибнуть. Без внешнего вмешательства они его победить не смогут. Вопрос лишь в том, на какие еще провокации пойдут повстанцы и когда они начнут их осуществлять.

Военно-политический тупик в Сирии может растянуться на несколько лет, но не может продолжаться бесконечно. Наиболее вероятный исход — формирование двух квазигосударств. Одно — в прибрежных районах, населенных алавитами, друзами и христианами, другое — в местностях с преобладанием курдского населения, тогда как суннитские зоны превратятся в арену войны всех против всех.

Другие варианты — *ливанизация* или даже *сомализация* страны, то есть сочетание крайне слабой центральной власти и фактическая независимость враждующих между собой анклавов и этнорелигиозных группировок. В случае американского удара по Сирии эти варианты могли реализоваться уже в ближайшем будущем. Отказ Барака Обамы от такого удара затягивает сирийскую агонию на неопределенное время, но не меняет ее исхода.

МИРОВОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СДАЕТ СВОЙ ЗНАЧОК?

Барак Обама делает то, чего никогда не должен делать президент Соединенных Штатов: он мечется, допуская ошибку за ошибкой. Проведя в сирийском вопросе известную *красную черту*, которую проводить было не обязательно, он до предела сузил себе свободу маневра. И в конце августа 2013 г. он выбрал политически наилучший вариант: пригрозил применить силу против Дамаска и сразу же отказался от этого намерения.

В этой ситуации отсылка к позиции европейских союзников США, возможной эскалации сирийского конфликта до *большой войны* в регионе, отсутствию поддержки американского военного вмешательства со стороны Конгресса или угрозе прихода к власти исламистов в случае военного поражения Башара Асада не выдерживает критики.

Позицию европейских союзников США можно было предвидеть заранее. Опыт последних лет показывает, что европейские элиты в большинстве своем не способны оценить глобальную ситуацию и выстроить стратегию — их внимание сосредоточено на финансово-экономическом кризисе и других сиюминутных проблемах. При этом ключевые интересы Европы война в Сирии практически не затрагивает. Таким образом, у европейских государств не было оснований поддерживать американский удар по Дамаску, но и возражения против него имели ритуальный характер и были рассчитаны главным образом на местную леволиберальную публику, глубоко уверенную в том, что Вашингтон представляет собой олицетворение мирового зла.

Угроза региональной войны на Ближнем Востоке в случае американских бомбежек Сирии представляется скорее надуманной, чем реальной — у единственного возможно *застрельщика* такой войны, Ирана, для этого нет ни политической, ни технической готовности.

Что касается поддержки со стороны Конгресса, то Барак Обама имел право обойтись без нее, то есть он совершил еще одну ошибку, осложнив свое и без того непростое положение.

Если же говорить о крушении режима Башара Асада в результате разгрома его ключевых военно-политических узлов, то оно усилило бы влияние радикальных исламистов в ряде мест при их одновременном втягивании в длительную междоусобную борьбу за власть и влияние на локальном уровне.

Об общем кризисе американской внешней политики свидетельствует и отказ президента Барака Обамы от участия в саммите АТЭС на Бали, в совещании будущих участников создающегося Транстихоокеанского партнерства, в котором США планируют играть ведущую роль, а также в Восточноазиатском саммите в Брунее¹⁶.

Все это противоречит объявленному курсу на перенос центра тяжести американской внешней политики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Причины этого связаны не только с противоборством между Конгрессом и Белым домом по бюджетным вопросам, но и, возможно, с неспособностью последнего выработать скольконибудь последовательную внешнеполитическую линию и нарастанием в американской элите изоляционистских настроений.

Однако какими бы не были причины слабости администрации Обамы, для внешнего мира важно, что из-за внутренних проблем президент США ставит под сомнение внешнеполитические интересы своей страны и ее союзников. Это имеет серьезные международные последствия.

Сокращение внешнеполитической роли США воспринимается в Москве, Пекине и ряде других столиц как движение к *многополярному миру*. Однако многополярные системы, например, международные отношения в Европе между Вестфальским миром и окончанием Второй мировой войны, крайне нестабильны.

В XXI в. отказ Вашингтона от роли *мирового полицейского* приведет к эскалации исламского терроризма, резкому росту распространения ядерного оружия и вынужденному сплочению Японии, Тайваня, Южной Кореи и ряда других стран Восточной и Юго-Восточной Азии для защиты от потенциальной китайской экспансии. Ослабнет и НАТО, а страны Центральной и Восточной Европы вновь почувствуют себя потенциально незащищенными. Наиболее очевидный результат всего этого — обострение кризисных ситуаций на Ближнем Востоке, в АТР и зоне между Европой и Россией, включая бассейны Черного и Балтийского морей. О том, чем это чревато, лучше не задумываться.

РОССИЙСКАЯ АРКТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Скандал с судном *Arctic Sunrise* и полемика профессора С. А. Медведева с президентом В. В. Путиным подстегнули интерес широкой публики к проблемам Арктики. Однако почти незамеченным осталось событие, имеющее намного большее значение.

В июне 2013 г. на неопределенно долгое время было заморожено освоение Штокмановского газового месторождения. Это поставило под вопрос *Арктический миф* — комплекс представлений об Арктике, ставший в России де-факто частью внешнеполитической доктрины. Его суть в том, что глобальное потепление приведет к радикальному сокращению ледового покрова Северного Ледовитого океана. В результате станут возможными освоение предположительно огромных запасов углеводородов, находящихся под дном этого океана, а также крупномасштабные морские перевозки и стратегические военно-морские операции в арктических акваториях. В рамках этого мифа в обозримой перспективе Арктика должна превратиться в арену ожесточенной борьбы за ресурсы, грозящей вооруженными столкновениями, а Россия должна закрепить в качестве своей исключительной экономической зоны примерно 1,2 млн км², превратить Северный морской путь в мощный транспортный коридор между Европой и АТР и готовиться к военным действиям в полярных широтах. Однако эти геополитические установки имеют мало общего с реальностью.

Факт изменения климата сомнений не вызывает. В российском истеблишменте преобладает мнение, что эти изменения ведут к потеплению, которое благоприятствует реализации стратегических интересов страны в Арктике. При этом игнорируется, что такое гипотетическое потепление приведет к таянию вечной мерзлоты и, следовательно, к разрушению части нынешней портовой, транспортной и нефтегазовой инфраструктуры, расположенной в российской тундре.

Однако на деле, например, специалисты Арктического и антарктического НИИ отмечают начало медленного понижения температуры в арктической зоне и крупные положительные аномалии ледового режима в Баренцевом и Карском морях. Предполагается, что похолодание, аналогичное имевшему место в 1940–1950-х гг., продлится до середины 2030–2040-х гг. Повышенная площадь льдов и, соответственно, преобладание тяжелых ледовых условий ожидается в 2020–2040-х гг. с максимумом в 2030–2035 гг.¹⁷

Ресурсы нефти и газа в северных морях намного меньше, чем это принято считать в Москве, стоимость их разработки весьма велика, климатические условия крайне тяжелы, а инфраструктура не развита. В России обычно ссылаются на оценки российского Министерства природных ресурсов, по которым извлекаемые ресурсы углеводородов на шельфах Баренцева и Карского морей составляют около 13,5 млрд тонн нефти и 73 трлн м³ газа. Много говорится о сверхкрупных газоконденсатных месторождениях — Штокмановском, Русановском и Ленинградском, совокупные доказанные запасы которых (по российской классификации) составляют около 10 трлн м³ газа.

Но к настоящему времени начата эксплуатация только одного морского месторождения — Приразломного, находящегося на шельфе Печорского моря. Предполагаемая годовая добыча на нем составляет около 6 млн тонн нефти. Штокмановский проект провалился. Для освоения этого месторождения требовались огромные затраты. Если в 2007–2008 гг. они оценивались в 12–14 млрд долл., то в 2012 г. называлась цифра 30 млрд долл. и выше¹⁸. Высокая себестоимость делала штокмановский газ неконкурентоспособным на европейском рынке, а растущая добыча сланцевого газа в США сделала бессмысленным его экспорт в Северную Америку.

В целом, похоже, российские оценки прогнозных ресурсов северного шельфа значительно преувеличены. Согласно Геологической службе США, недоказанные ресурсы нефти на российском арктическом шельфе равны 3,2 млрд тонн, свобод-

ного и попутного газа — чуть меньше 29 трлн м³, а газового конденсата — примерно 3 млрд тонн¹⁹. Это в два с лишним раза меньше 77 млрд тонн условного топлива, о которых часто упоминают в российских правящих кругах. При этом и российские, и американские оценки относятся к прогнозным ресурсам, то есть гипотетическим, не подтвержденным бурением и сейсморазведкой, а доказанные запасы углеводородов на арктическом континентальном шельфе по уточненным оценкам Минприроды России в 9–10 раз меньше²⁰ (табл. 1).

Таблица 1. Запасы углеводородов в российских морях Северного Ледовитого океана

Море	Прогнозные ресурсы (млрд т условного топлива)	Доказанные запасы (млрд т условного топлива)	Количество месторождений
Баренцево	22,5	4,5	5
Печорское	4,5	0,5	6
Карское	41,4	3,9	14
Лаптевых	3,2	0	0
Восточно-Сибирское	5,6	0	0
Чукотское	3,3	0	0
Всего	76,6	8,9	25

Наконец извлекаемые с помощью имеющихся технологий объемы нефти и газа намного меньше их доказанных запасов. Так, в проекте Государственной программы разведки континентального шельфа и разработки его минеральных ресурсов, подготовленном в 2011 г., доказанные извлекаемые запасы нефти на арктическом шельфе России оценивались в примерно 400 млн тонн (около 2% ее запасов), а доказанные извлекаемые запасы газа — около 8 трлн м³ (около 16% соответствующих российских запасов)²¹.

Инвестиционная привлекательность северных морских проектов находится на низком уровне. Себестоимость добычи нефти в среднем по России составляет 22 долл./баррель, а на Приразломном месторождении приближается к 30 долл./баррель. Себестоимость добычи углеводородов на арктическом шельфе России может доходить до 500–700 долл. за тонну нефтяного эквивалента (65–90 долл./баррель), что почти на порядок выше, чем в Западной Сибири, где себестоимость составляет 60–80 долл. за тонну (8–11 долл./баррель)²². Инвестиции в освоение углеводородных месторождений на шельфе северных морей в среднем в 1,5 раза выше инвестиций в освоение месторождений суши, а чистый доход от таких проектов почти в 2 раза ниже²³.

Наконец главное внимание в России в ближайшие годы будет уделяться освоению сухопутных газовых месторождений Ямала, что снижает заинтересованность в разработке морских месторождений. При этом сохранение нынешних тенденций на формирующемся мировом газовом рынке приводит к сокращению спроса на российский газ и, соответственно, к снижению темпов освоения Ямала, не говоря уже о шельфе.

В мае 2013 г. Газпром снизил план добычи газа на Бованенковском месторождении: вместо 46,3 млрд м³ планируется добыть 29,5 млрд м³ в 2013 г.²⁴. В итоге, нет оснований ожидать, что в обозримой перспективе будет начато практическое освоение морских месторождений нефти и газа на российском арктическом шельфе.

К стратегическим направлениям российской политики в Арктике относится наращивание транзитных перевозок между Европой и АТР по Северному морскому пути (СМП). Считается, что морские транспортные услуги могут превратиться в крупнейшую после экспорта углеводородов статью доходов, связанную с арктической зоной, снижая потери от ухудшения конъюнктуры на мировых рынках нефти и газа. Реализация транзитного потенциала СМП стимулирует развитие прибрежных регионов. Наконец в этом случае Россия получит контроль над международной транспортной коммуникацией глобального стратегического значения.

На первый взгляд перспектива превращения СМП в крупный транспортный коридор реальна. Использование прибрежного маршрута СМП между Мурманском и Беринговым проливом длиной 3500 миль позволит сократить стоимость перевозок примерно на 40% по сравнению с традиционными путями, проходящими через Индийский океан и Суэцкий канал или вокруг Африки. Однако все это представляет благие измышления: в 2011 г. по СМП было перевезено около 835 тыс. тонн грузов, в 2012 г. — 1,2 млн тонн²⁵.

По мнению некоторых западных экспертов, объем потенциальных транзитных перевозок иностранных грузов по СМП может составить в восточном направлении 5–6 млн тонн в год и 2–3 млн тонн — в западном, что совпадает с оценками ООН, по которым ожидаемый транзитный грузопоток по СМП в 7–8 млн тонн ежегодно²⁶. И это менее 1% общего ежегодного морского грузооборота между Европой и ведущими странами АТР, достигающего (без наливных и насыпных грузов) 900 млн тонн.

Развитию арктического транзитного судоходства мешают и сугубо географические проблемы: эта трасса проходит через проливы Вилькицкого, Санникова и другие глубиной около 17 метров. Это ограничивает тоннаж судов и существенно удорожает перевозки по сравнению с южным маршрутом, на котором используются большегрузные суда. Для проводки судов большего тоннажа можно было бы использовать высокоширотный северный маршрут, но он требует намного более мощного навигационного обеспечения и современных ледоколов.

Имеющийся сегодня в России ледокольный флот способен обеспечить перевозку по СМП в летнюю навигацию не более 3 млн тонн²⁷. Для обеспечения судоходства в Арктике России необходимо 6 атомных, 4 дизельных линейных и 4 ледокола-снабженца для обслуживания буровых платформ. Ресурс мощных российских ледоколов будет окончательно исчерпан в ближайшие 3–4 года. Между тем Федеральная целевая программа *Развитие транспортной системы России на 2010–2015 гг.* предусматривает строительство только одного атомного ледокола мощностью 60 МВт и трех линейных дизель-электрических ледоколов мощностью по 25 МВт. Лишь в более длительной перспективе, до 2030 г., планируется построить еще два атомных ледокола и несколько линейных²⁸.

Имеются неурегулированные международно-правовые проблемы. Российский закон 1998 г. *О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне*, а также Федеральный закон 2012 г. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути* устанавливают, что плавание в акватории СМП регулируется не только нормами международного права и международными договорами РФ, но и федеральными законами и издаваемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами. В частности на проход по СМП требуется разрешение российских властей. Таким образом, морские пространства, по которым проходит эта трасса, де-факто объявлены территориальными водами России.

Непонятно, наконец, к каким войнам в Арктике готовится Россия. Между ней и другими арктическими государствами нет территориальных противоречий, которые могли бы вылиться в вооруженные столкновения. Проведено разграничение морских пространств с Норвегией и США, нет спорных месторождений нефти и газа, на которые наряду с Россией претендовали бы другие страны, а перспективы

освоения новых месторождений и создания на базе СМП мощной транспортной магистрали практически равны нулю.

Иными словами, войны за ресурсы и контроль над транспортными коммуникациями в Арктике бессмысленны, поскольку нет предмета для противостояния. И все же в ближайшие годы решено «создать группировки войск (сил) общего назначения Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (в первую очередь пограничных органов) в Арктической зоне Российской Федерации, способных обеспечить военную безопасность в различных условиях военно-политической обстановки»²⁹.

Готовятся соединения, специально предназначенные для действий в арктическом регионе. К ним, по словам командующего ВДВ В. А. Шаманова, относятся Псковская десантно-штурмовая дивизия, и 98-я воздушно-десантная дивизия, дислоцирующаяся в Иваново и Костроме³⁰, предназначенные, для защиты континентального шельфа России в Арктике³¹.

К 2015 г. предполагается создать мотострелковую арктическую бригаду на базе 200-й мотострелковой бригады, дислоцированной в Печенге вблизи границы с Норвегией и Финляндией. Имеются планы создания еще одной арктической бригады сухопутных войск³², разрабатывается военная техника для действий в условиях Заполярья. В заявлениях высокопоставленных офицеров российского ВМФ муссируется тезис о том, что военный флот является главным инструментом обеспечения интересов России в Северном Ледовитом океане.

Остается неясно, как именно предполагается использовать соединения ВДВ, в чьи задачи входит захват чужих аэродромов и использование их в качестве плацдарма, для защиты российского континентального шельфа. Скорее, за этим стоят интересы военного командования, ищущего аргументы в пользу выделения дополнительных ассигнований на военные цели.

КОНФЕТЫ ИЛИ ФАНТИКИ: ВЫБОР КИЕВА

Подписание соглашения между Украиной и ЕС об ассоциации и создании зоны свободной торговли, запланированное на саммите Восточного партнерства в Вильнюсе, сорвалось по совокупности внутривнутриполитических противоречий и внешнеполитического ажиотажа. Но важно, что ранее — 18 сентября 2013 г. — украинское правительство уже одобрило проект этого документа, сделав, по сути дела, первый реальный шаг к интеграции с Европой. И для стран бывшего Советского Союза вопрос о том, присоединится Украина к Таможенному союзу или ассоциируется с ЕС, имеет самое серьезное значение.

Планы украинской элиты вызвали взрыв раздражения в российском истеблишменте. В Москве прекрасно понимают, что их воплощение нанесло бы сильный удар по престижу Кремля как внутри страны, так и на международной арене. Но главное в том, что ассоциация Украины с ЕС точно поставит крест на перспективе превращения Таможенного союза в интеграционное образование, охватывающее основные районы бывшего СССР и постепенно обретающее военно-политические функции. А это одна из ключевых стратегических целей нынешней власти России.

В результате Украина стала объектом жесткого давления со стороны России. Если отвлечься от истерической риторики и плохо замаскированных угроз и оскорблений в адрес украинской элиты, то суть российской аргументации сводится к тому, что дефицит платежного баланса Украины, составляющий в настоящее время 10 млрд долл., в случае подписания Соглашения об ассоциации с ЕС и введения ответных мер со стороны Таможенного союза увеличится до 15–16 млрд долл. и приведет к дефолту.

Однако есть и другие оценки. Министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт считает, что вступление Украины в Таможенный союз приведет к падению украинско-

го ВВП на 40%, а присоединение к ЕС поможет увеличить ВВП страны на 12%³³. Глава Представительства ЕС в Украине Ян Томбинский полагает, что соглашение с ЕС стимулирует рост внутреннего спроса, сэкономит украинским экспортерам 750 млн долл. ежегодно, а в долгосрочной перспективе темпы роста экономики Украины составят до 6%³⁴.

Противоречивые экономические оценки отражают как несовместимые политические установки, так и то реальное обстоятельство, что ассоциация с ЕС по-разному скажется на различных секторах украинской экономики: одни получают стимул для развития и модернизации, другие окажутся в сложном положении. Перед последними предельно остро встанет дилемма: либо реформироваться, либо исчезнуть.

В целом Украина пойдет по пути, по которому прошли страны Центральной и Восточной Европы и Балтии, ставшие сегодня неотъемлемой частью Европейского Союза. Скорее всего, этот путь будет для Украины значительно сложнее в силу большого размера экономики, ее отсталости и серьезного влияния институтов и процедур, унаследованных от бывшего СССР. Тем не менее появляется шанс для реальной социально-экономической модернизации.

В свою очередь, присоединение к Таможенному союзу снимет все ограничения для экспансии в Украину российских корпораций, которые поглотят, выдавят с рынка или доведут до банкротства большую часть украинских компаний и станут мощными инструментами политического влияния Москвы. И хотя часть украинского общества и элиты заинтересована в сотрудничестве с Россией и никто не склонен к противостоянию с ней, никто не готов поступиться независимостью и превратить страну в российский протекторат. Поэтому, несмотря на срыв нынешнего раунда переговоров Киева и Брюсселя, Кремлю вряд ли стоит праздновать победу.

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Приближается саммит Восточного партнерства в Вильнюсе, где ряд стран, включая Молдавию и Украину, подпишут новое соглашение о партнерстве с Евросоюзом. Между тем саммит оказал негативное воздействие и повысил напряженность в отношениях между Россией и наиболее значимыми для нее странами СНГ, прежде всего с Украиной. Очевидно, что Россия и ЕС вступили в игру с нулевой суммой, взяв за основу утверждение, что какая-то страна может быть либо с Москвой (в Таможенном союзе), либо с Брюсселем (с Евросоюзом). Это печальный факт.

ЭНТРОПИЯ РОЛИ МОСКВЫ

Сторонники взгляда на мировую политику как на игру с нулевой суммой часто трактуют пакт Керри–Лаврова как убедительную победу российской дипломатии. Действительно, Соединенные Штаты, *bête noire* (хотя одновременно и *objet de l'admiration*³⁵) нынешнего российского истеблишмента, оказались в глупом положении. Президент Обама сам вычеркнул себя из списка мировых лидеров, заявления которых с доверием воспринимаются партнерами и противниками.

Политическое руководство большинства стран задалось вопросом: вернуться ли США к своей традиционной роли *мирового полицейского* при следующей администрации или изоляционистский тренд наберет силу со всеми вытекающими из этого последствиями. Появляется предположение, что Москва может, пусть частично, *заполнить нишу* на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и АТР, образующуюся в результате ослабления позиций Вашингтона в этих регионах. Это ставит вопрос: каким может быть положение России, если США и далее будут дистанцироваться

ся от международных проблем, не затрагивающих непосредственно их ключевые интересы?

Слабость администрации Барака Обамы не означает слабости Соединенных Штатов, которые как были, так и остаются наиболее мощной в экономическом, военном и научно-техническом отношении страной. Кроме того, слабость Белого дома не приводит к укреплению российской экономики и вооруженных сил и не улучшает имидж России в глазах мирового общественного мнения. Способность Москвы воздействовать на положение дел в зонах нестабильности за исключением районов, расположенных рядом с российскими границами, не увеличивается и остается незначительной.

Поэтому чем менее стабильной будет мировая обстановка, тем меньшей будет глобальная роль Москвы, зависящая не от выступлений политиков и дипломатов в ООН и на заседаниях Валдайского клуба, но от реальных экономических и силовых ресурсов.

 Андрей Картунов (Россия), генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы: Не произошло существенных подвижек вокруг многих кризисных явлений в мире. Благо, те из них, которые могли бы обостриться, пока находятся в латентном состоянии. Произошло определенное снижение напряженности вокруг Корейского полуострова, достигавшее весной 2013 г. высокого уровня. Российская инициатива позволила снизить градус напряженности в Сирии. Победа на выборах в Иране Хасана Роухани означает победу умеренных группировок в руководстве страны. Этим актив позитивных тенденций ограничивается.

Зимой 2013–2014 гг. регион Большого Ближнего Востока по-прежнему будет одной из самых нестабильных точек мира. Осложнится ситуация вокруг Афганистана в связи с выводом из страны американского военного контингента и контингентов союзников.

Иначе может складываться ситуация в соседних с Россией регионах. Если российская стратегия не изменится, по мере ухода США из Афганистана и, соответственно, из Центральной Азии Россия будет все глубже втягиваться в безнадежную военно-политическую трясину, пытаясь сохранить у власти распадающиеся авторитарные режимы, и все жестче сталкиваясь с Китаем. А в Европе соседи России, обоснованно или нет рассчитывающие на американские гарантии безопасности, будут вынуждены сами о ней заботиться, выстраивая коалиции.

Такова природа многополярного мира. *Tu l'as voulu Georges Dandin...*

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ЭПОХА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ КАПИТАЛА

В последние несколько недель более чем когда-либо стало очевидно наличие в мировой политике *двойного дна*. Да, конечно, опытный политолог всегда заметит нестыковки между реальными действиями участников международных процессов, особенно ключевых, и теми публичными объяснениями, которые они при этом дают. Но обычно эти нестыковки не выходят за рамки внешнеполитического лукавства, степень которого определяется характером политического режима в стране и политической культурой этой страны.